

Ещё теплится то далёкое

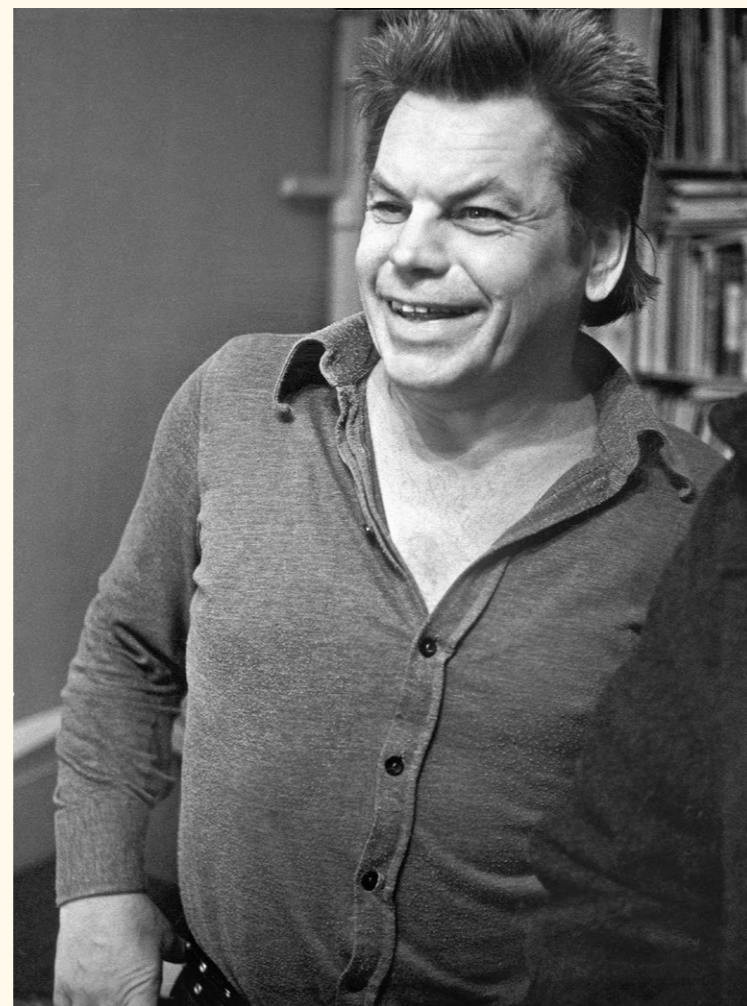
АНАТОЛИЙ ЕЛИСЕЕВ

«Весёлые картинки» родились, когда телевидение ещё не так по-хозяйски начало вламываться в квартиры, занимая красный угол, ссоря хозяев, пожирая время и оставляя взаправдашнюю жизнь за окнами. Большинство жило чтением, книгой. Вагоны метро, электричек напоминали избы-читальни. За книжными новинками стояли очереди. И появление журнала для малышей, цветастого, шутиwego, забавного, легло на благодатную почву.

В вагонах карапузы, сидя на коленях мамаш, с живым любопытством тыкали пальчиками в картинки — «Весёлые картинки». Этот журнал, можно сказать, отпочковывался от «Крокодила». Его лепили те же художники и тем же способом, что и «Крокодил». Сначала были темные совещания. Отбирались наброски-шутки. Затем эти листочки раздавались художникам для воплощения их в полноценные рисунки. Часто сами художники придумывали темы-шутки и сами их исполняли. Но последовательность сохранялась.

Лицо любого издания определяется личностью главного редактора. Он собирает авторов, он задаёт тон, он определяет цель и пути к ней. Назначение Ивана Максимовича Семёнова редактором «Весёлых картинок» — попадание в десятку. Он не походил на мэтров, к которым начинающие художники подходят на цыпочках с дрожащими коленками. Ему показывали рисунки, не опасаясь оскорбительно-высокомерных замечаний.

Юмор — дело молодых. И Семёнов принимал молодёжь заботливо, как наседка под тёплое крыло. Большой,

Анатолий Елисеев.
1970-е годы

отлично скроенный красавец без комплексов располагал к себе с первого взгляда. Художник Ю. Ганф рассказывал: «В молодые годы с ним ходить по улицам было невозможно. Все женщины на него оглядывались. Тут забудешь, зачем вышел, куда идёшь».

Казалось, жизнь со всеми её приамбасами пришлась ему впору: нигде не жало, не давило, не царапало. Будто не он с усилиями входил в эту жизнь, а она сама приходила к нему и несла его величавым потоком без водоворотов, стремнин и порогов.

Трудно было представить его в гневе или в чрезмерном восторге. Хохочущим или стучащим кулаком по столу. Юмор у него был органичным, без натуги и зауми, шутил он ровным голосом, будто сообщал некую заурядную информацию. Я как-то спросил его, приходилось ли ему бывать в переделках и испытать силу Божию.

— Давно в одной компании образовался какой-то парень и стал кричать, что он боксёр и разнесёт всех нас в клочья. Долго приставал, долго кричал. Достал. Я его стукнул, и боксёр лёг. Надолго.

Так и хочется сказать: «Люди добрые, перед вами, может быть, единственный счастливый человек!» Может быть. Но счастье нечто всё-таки из ряда вон выходящее, а у него всё было в норме. На самой высокой ступеньке этой нормы.

Влияние редактора не столько в замечаниях и наставлениях. Бывает, что радостно-удивлённый взгляд или некий жест значат больше слов. Он мог, посмотрев рисунок, аккуратно положить его на стол или равнодушно опустить руку с рисунком. Много, не всегда явное влияет на художника и вселяет в него оптимизм или уныние, жажду работать или апатию. Много о художнике рассказывают его рисунки. Его рисунки говорили о незлобности, об отсутствии высокомерия и ядовитой ухмылки, о желании развеселить народ без задней мысли, без фиги в кармане.

Он с наслаждением купался в сложнейших массовых сценках на бумажных листах, и всегда чувствовалось, с каким аппетитом он устраивал заварушки из чуть ли не сотни затейливых персонажей.

Однажды, работая ещё в «Комсомолке», он ненадолго вышел из своей каморки, оставив на столе многотрудный рисунок с десятками фигур. В те поры только-только наши журналисты потекли тонкими ручейками за рубеж. Со скудных денежных подачек привозили оттуда всякие сувениры и безделушки для розыгрыша. И вот Семёнову на его много-многофигурное творение положили кляксу-

шутку, неотличимую от настоящей. Шутники, давясь от сдерживаемого смеха, предвкушая трагические сцены с заламыванием рук, стонами и воплями возмущения, отчаяния при виде загубленного тяжкого труда, притаились в коридоре. Иван Максимович вошёл в кабинет, глянул на загубленный рисунок и, не изменившись в лице, полез на полки за чистым листом бумаги, чтобы начать всё заново. Труд ему был в удовольствие.

Его авторитет мягко оберегал издание от педагогов (членов редколлегии), убеждённых, что они знают рецепт по выращиванию творцов лучезарного будущего. Пробей они улыбочивую твёрдость Семёнова своими правильными советами, и «Весёлые картинки», выстраиваясь строго по линейке, превратились бы в «Унылые картинки».

В те времена было много добрых людей — улучшателей детства. На одном высоком собрании под председательством комсомольского вождя Балясной поступило предложение переименовать «Мурзилку» в «Октябрёнка». Есть, мол, «Пионер», «Комсомольская правда», «Коммунист», а этот ряд начинается с какой-то «Мурзилки». Мурзилка — значит проказничать, шалить. Какая вопиющая оплошность!

Братья писатели, ошарашенные этим предложением, повскакали с мест, замахали руками. Из всеобщего шума-гама выплескивались реплики: «преступный бред», «глупость», «бесчувственная дурь»! Яковлев в яростной речи доказывал нелепость предложения... Но весь этот бушующий пламень протеста, как ледяным одеялом, был накрыт и потушен репликой Балясной, тщательно выговоренной с многозначительной интонацией: «Октябрёнок — не бред, не глупость».

Слава Богу, где-то повыше нашлись светлые головы, и детство сохранило право на шалости и счастливый смех.

Даже самому развесёлому изданию требуется порядок, хорошая печать, точные сроки. Всем этим в «Весёлых картинках» занимался мой сокурсник Виталий Стацкий. Кроме учёбы в Московском полиграфическом институте он ещё и работал кем-то на кафедре и восприни-

мался не равным с нами, грешными грызунами науки, а расположившемся где-то повыше, поближе к факультетскому начальству. Видно, поэтому он чурался наших жеребьячьих бесшабашных забав и розыгрышей. Его, не по-студенчески сосредоточенный лик, старили и придавали ему некую многозначительность солидные очки. Они сползали на нос и говорили: «Хозяин старше, серьёзнее, деловитее вас, легкомысленных шалопаев».

Как-то на чью-то задиристую реплику он глянул из-под очков и фыркнул: «Будь у меня чувство юмора, я бы тебе ответил».

Узнав о его назначении в весёлый, игровой, шаловливый журнал, я подумал, что такая имплантация чревата отторжением.

Я ошибся. Сработал закон команды: есть нападающие, должны быть и защитники. Одни играют на рояле, другие этот рояль возят. С его въедливостью и упорством он оказался незаменимым борцом за качество. В работе худреда, особенно с типографией, порой не до шуток. Он скандалил, плевался, орал, но добивался своего. Печатали прилично, и хрупкие весёлые человечки, плоды легкомысленных художников, могли беззаботно скакать со страницы на страницу, не боясь выглядеть бледно или опоздать к читателям.

Пробивной Стацинский расстарался, умудрился, изловчился и попал с первым экземпляром «Весёлых картинок» к Гуру, к Пастуху всей нашей детской литературы, к самому Маршаку.

Самуил Яковлевич с искренним вниманием и любовью перелистал свежие странички. Подробно, въедливо расспросил о художниках, об их особенностях и привычках, о трудностях работы в журнале и, вполне удовлетворив любопытство, благословил новорождённого и определил ему место в стране детства.

Эта встреча придала уверенность всем нам и стала фундаментом для строительства обиталища весёлых человечков. Вскоре появились и ответственные съёмщики — Карандаш и Самоделкин.

Через годы после ухода Семёнова и Стацинского, когда издание малость состарилось и потеряло, в некоторой мере, чувство юмора, эти герои переселились в книги и живут там припеваючи на радость девочкам и мальчишкам.

Думается, любое издание должно походить на клуб, объединяющий людей со сходным мироощущением. Там завязывается дружба, появляется желание заглянуть туда просто так, без дела: увидеться с друзьями, послушать про их жизнь-бытьё, поделиться горестями-радостями, посмеяться, пошутить.

Похожая атмосфера была в «Весёлых картинках», впрочем, как и в «Мурзилке».

Однажды прошёл слух, что после отпуска Стацинского видели с бородой. Отросшая борода в ту пору могла

Мастерская Анатолия Елисеева. Художник только что закончил очередной шедевр. 28 июля 2016 года.

быть истолкована как вызов обществу, дружно шагающему, куда надо. Не среагировать на этот отчаянный поступок мы не могли. И когда свежий, отдохнувший худред с новым приобретением вошёл в редакцию, его встретили озабоченные лица членов редколлегии, мужчин и женщин с разноцветными, разнофасонными бородами. (Тогда я работал в театре «Современник» и упросил гримёров одолжить на день все имеющиеся у них борода.)

Так художники выразили свою полную (до последнего волоска) солидарность с генеральной линией «Весёлых картинок», направленной в аккурат против уныния и скуки.

Как-то само собой образовывался коллектив, сбивалась команда. Ездили в Серебряный бор играть в футбол, потом целыми вечерами устраивали разбор игры где-нибудь в кафе, ресторане — чаще всего возле Пушкинской площади в ВТО.

В отличие от сегодняшнего дня, тогда встречались часто. Нынешняя жизнь как-то странно, помимо нашей воли, растащила нас, рассовала по квартирам, отняла желание искать повод для встреч.

На редких выставках с удивлением замечаю, что испытываю бурную искреннюю радость и, как подарок, воспринимаю встречи с бывшими неуклюжими футболистами, весёлыми собутыльниками, близкими, любимыми братьями по кисточке.

Как же нас мало осталось.

Страшно представить, что можешь оказаться один за безлюдным столом с рюмками, накрытыми кусочками чёрного хлеба.

Весёлые кораблики, весёлые матросы и весёлый капитан

ФЕЛИКС ШАПИРО

В 1956 году в ЦК ВЛКСМ было принято постановление — создавать детские журналы по разным направлениям. До этого в Москве для самых маленьких был журнал «Мурзилка», а для тех, кто постарше, — журнал «Пионер». В Ленинграде был журнал «Костёр», больше детских журналов не было. И вот в 1956-м одновременно были созданы журналы «Юный натуралист», «Юный техник», «Юный художник» и, наконец, «Весёлые картинки». Этот журнал создавался как абсолютно уникальный: в России, а может и в мире, детского юмористического журнала такого типа, не комиксовидного, больше не было. На пост главного редактора взяли Ивана Максимовича Семёнова.

Первый номер вышел в сентябре 1956 года, а я пришёл в редакцию в июне или в июле. Сначала меня хотели сделать ответственным секретарём. Иван Максимович мне говорит: «Позвони в отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ». Я звоню — до сих пор помню фамилию зав. сектором отдела пропаганды, который занимался периодической печатью, — Зотов. И Зотов мне говорит: «У нас на должность ответственного секретаря уже есть кандидатура. Пойдёшь литсотрудником?» И я пошёл.

«Весёлые картинки» — это счастливый период в моей жизни, потому что Иван Максимович был замечательным человеком, замечательным художником и очень хорошим руководителем. Родился в 1906 году, из казаков, фронтовик. Широчайшей души человек. Недавно я говорил с художником Виктором Александровичем Чижиковым,